

ДОМ ДЛЯ Ганджура

КНИГИ
БУДДИСТОВ-КОЧЕВНИКОВ
ТРАНСБАЙКАЛЯ

СЫРТЫПОВА Сурун-Ханда Дашинамаевна — кандидат исторических наук. После окончания в 1991 г. восточного факультета Ленинградского государственного университета работает в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Специалист в области тибетского источниковедения и религиоведения. Автор монографии «Культовая хранительница Балдан Лхамо в тибетском буддизме» (М.: Восточная литература, 2003)

Неповторимый колорит Байкальского региона, уникальность его историко-культурных памятников отражает собранный в городе Улан-Удэ богатейший фонд объектов традиционной книжной культуры народов Центральной Азии. Хранилище восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ХВРК ИМБиТ СО РАН) содержит не только артефакты далекого и не столь далекого прошлого коренных жителей Байкальского региона. Это — напоминание современникам о богатой и глубокой культуре «темных предков», которые смогли изучить, оценить, адаптировать и развить высочайшие достижения цивилизаций Древней Индии, Китая, Тибета, Ирана.

Коллекция тибетских и монгольских рукописей и ксилографов ИМБиТ создавалась на протяжении десятилетий, начиная с 1922 года, — времени создания Бурятского Ученого Комитета. Теперь это — одно из крупнейших собраний предметов книжной тибето-монгольской культуры в мире. Фонд является ценнейшей коллекцией памятников письменности, так как содержит обиходные тексты бурятских храмов, духовенства и интеллектуальной элиты, бывшие в активном пользовании буддистов этнической Бурятии в XVIII — начале XX века. Они поступали по мере ликвидации дацанов в 1930-е годы XX века и ухода из жизни буддийского духовенства и старо-бурятской интеллигенции.

Здание хранилища восточных рукописей

Обо — место, где, по преданиям, обитают духи

Однако все это лишь отзвуки бывшего богатства бурятских храмов. По приблизительным подсчетам, в 1914 году минимальное количество буддийской литературы в сорока основных бурятских дацанах составляло 450 тыс. томов (по 400 страниц в среднем) и оценивалось в 4,5 млн руб. (в ценах 1914 года). Это без учета того, что в отдельных дацанах имелись особо ценные издания, художественно переписанные «девятью драгоценностями»*. К примеру, Ганджур (собрание проповедей Будды) без учета бумаги и драгоценных красок оценивался в 65 тыс. руб. в ценах 1909–1910 гг.**. Кроме того, в это число не было, очевидно, включено содержание десятков сотен субурганов (буддийских ступ, уничтоженных во времена репрессий), которые хранили сотни тысяч томов буддийских текстов и других культовых реликвий.

Систематическое изучение коллекций книг тибетского и монгольского фондов Бурятского Научного Центра началось еще в середине 1950-х годов. Научный персонал хранилища занимается проблемами сохранения книг и созданием полного каталога имеющейся литературы для лучшей организации доступа к кладовым вековых знаний. Важную роль в систематизации фондов сыграли бывшие ламы, принятые в качестве сотрудников института для работы в рукописном отделе — Лодой Ямпилов, Гымпыл Гомбожапов, Бато-Мунко Дашиев, Бидья Дандарон. Поэтому систематизация буддийской литературы в фондах была подчинена традиционной классификации, существующей в тибетском буддизме, с выделением канонических изда-

* В знак особого почитания монголы и буряты переписывали некоторые буддийские трактаты красками, изготовленными из девяти (семи) видов драгоценностей — золота, серебра, кораллов, жемчуга, бирюзы, лазурита, перламутра, стали, меди

** По информации Антирелигиозного музея во ВЦИК БМССР о буддийско-ламаистской литературе, находящейся в дацанах БМССР. 1935 г. НАРБ

Собрание тибетских и монгольских текстов, имеющихся сегодня в ИМБиТ, насчитывает более десяти тысяч томов и сотни тысяч текстов, среди которых есть ксилографические издания Ганджура и Данджура, выполненные в тибетских монастырях Дэргэ и Нартан; издание Ганджура императорской книгопечатни Пекина эпохи Цинь, Их Хурэ (ныне Улан-Батор); Ганджур, изданный тибетским монастырем Чонэ; собрания сочинений более семидесяти тибетоязычных авторов; большое количество отдельных томов и текстов, а также рукописных книг

ний — Ганджур (тиб. bka' 'gyur, — собрание проповедей Будды), Данджур (тиб. bstan 'gyur — собрание трактатов, комментирующих проповеди Будды), авторских собраний сочинений — сумбумов (тиб. gsung 'bum) и отдельных изданий (тиб. thor bu).

В 1995 году было построено специальное здание с фондохранилищем и рабочими кабинетами исследователей и сотрудников института. Однако сам принцип содержания книг в хранилище противоречит традиционным буддийским представлениям о хранении культовых предметов. Книга в понимании буддистов — это символ учения Будды, его просветленного сознания, драгоценный кладезь знаний, или, говоря современным языком, — ценнейший информационный ресурс. Но, в отличие от технологических носителей, буддийская книга является предметом всеобщего почитания, самостоятельным культовым объектом, который должен быть доступен верующим для поклонения и изучения, ибо это одна из его главных функций. Таким образом, в этом, казалось бы, достаточно отработанном вопросе — проблеме сохранения памятников письменности — возникает конфликт культур.

Извлечение буддийских текстов из среды традиционных пользователей, сокрытие в помещении с резким ограничением доступа действительно лишает их «жизни» и функционального предназначения. Этот диссонанс обнаруживается в том, что само хранилище находится в традиционном буддийском регионе, то есть в среде потенциальных пользователей. Этот конфликт культур существует пока неявно, но не перестает от этого быть конфликтом, так как сталкиваются два совершенно разных подхода к произведениям письменной культуры. Со стороны современной науки они представляют собой некий артефакт давно минувшего и отжившего прошлого, который следует беречь, хранить в особых «кладовых», а для большей сохранности экспонировать за стеклянными витринами и т. д. Создание памятника-мемориала является свидетельством того, что предмет (явление) вышел из активного употребления, и необходимо нечто в качестве символа-заменителя, напоминания о нем.

Восточная культура, в частности, культура монголо-тибетская, буддийская, принимает в качестве памятника лишь то, что имеет культовое значение, а стало быть, живо духовно, а не только материально. Если вещь теряет свое предназначение, она утрачивает ценность для социума, а следовательно, и необходимость сбережения. Этот глубокий рационализм, вероятно, был порожден мобильным и суровым бытом кочевника. Буддийская философия невечности, или шуньяты — пустотной сущности бытия, — лишь укрепила мировоззрение вольного кочевника. Поэтому памятник в монгольской культуре функционально активен, актуален для социальной среды, его культивирующей. Если что-то понимается как памятник, то оно является одновременно предметом культа и активного почитания.

Буддийская книга ценилась и ценится приверженцами учения Будды Шакьямуни как реликвия высшего разряда. Столь высокое культовое значение книги основывается на том, что она воспринимается как символ слова Будды (в то время как скульптура или живописное изображение есть символы тела Будды, а ступа (субурган) — символ сознания Будды). Поэтому классические каноны композиции алтарей предписывают расположение буддийских текстов выше культовых образов и прочих ритуальных предметов

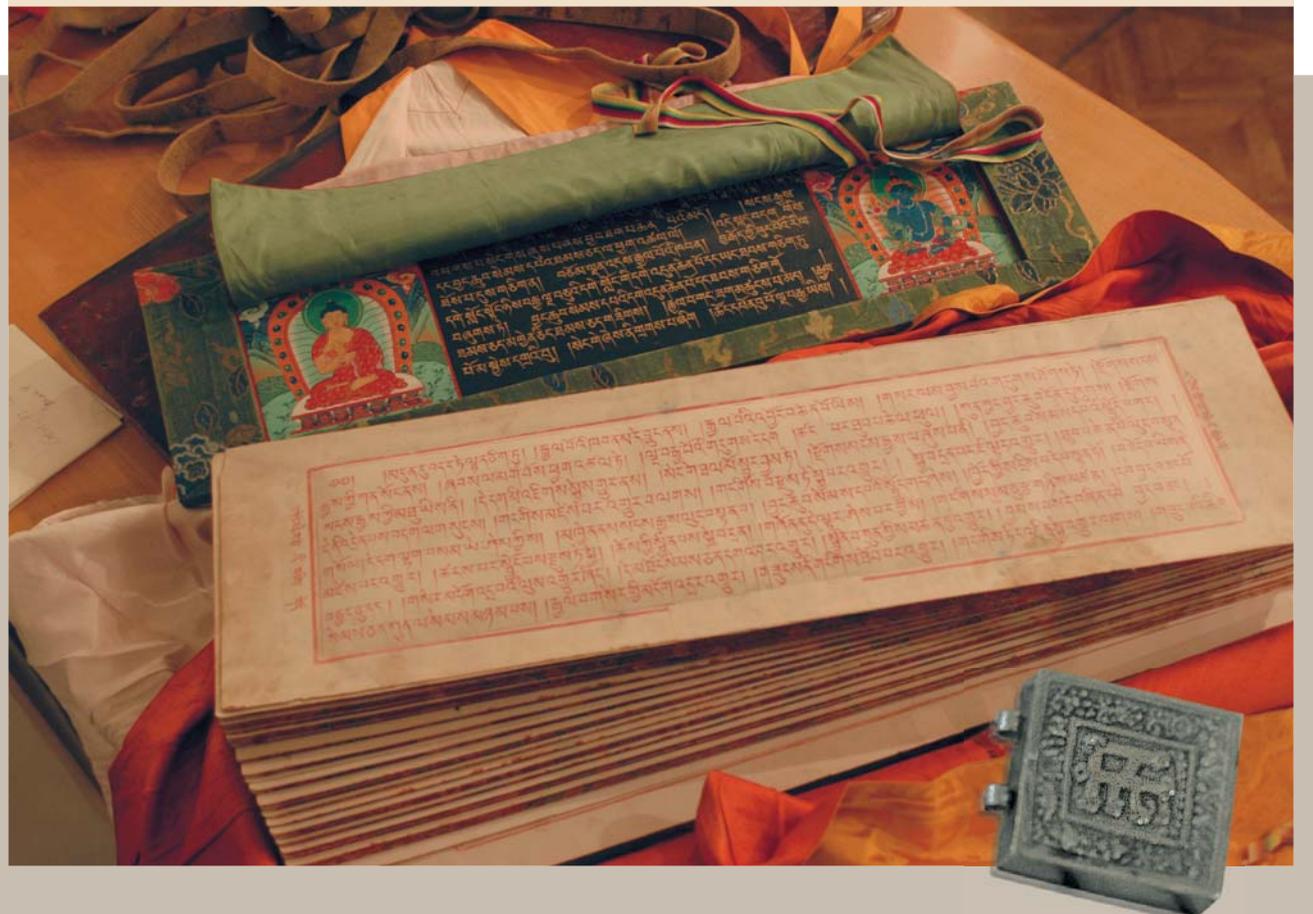
О ФОРМЕ БУДДИЙСКИХ КНИГ БУРЯТ И МОНГОЛОВ

Традиционная книжная культура бурят в России была неотъемлемой частью культуры монгольского мира и тибетского буддизма. В начале XX века она представляла собой синтез древнеиндийских, китайских, центрально-азиатских и российских влияний, который приобрел под «Вечным Синим Небом» свою уникальную форму, наиболее удобную для кочевого быта и свободолюбивого нрава монгол и бурят.

Форма буддийских книг бурят-монголов в древности была продиктована свойствами сырья для письменных нужд: это были либо длинные и узкие пальмовые листья, либо береста, нарезанная полосками вдоль естественных прожилок. Хрупкий материал книги защищали две дощечки. Листы помещали между ними и скрепляли шнуром, продернутым сквозь всю их толщину: для этого в тексте специально оставляли два пробела-кружочка, чтобы сделать отверстия. Индийское и тибетское горизонтальное письмо хорошо ложатся на такой формат. Монгольское письмо — вертикальное, поэтому оригинальные монгольские тексты постепенно «растянули» рамку текста, нередко сближаясь по

форме с китайскими тетрадами. Поскольку иероглифическое китайское письмо с вертикальными строками диктовало свои требования, китайцы использовали шелковые свитки. Однако и свиток был удобен для использования не всегда, так как его приходилось разворачивать полностью, чтобы дочитать одну строку. Монголы нечасто использовали свитковую форму. Более мобильна была «гармошка», восходящая к свитку и позволяющая раскрывать любой отдельный фрагмент книги. «Гармошка» была удобна как для вертикального монгольского письма, так и для горизонтального тибетского. Ее преимущество перед свитком состояло еще и в экономности — текст можно было записывать на обеих сторонах листа. В фонде ИМБигТ сохранились подобные образцы — бурятские монастырские издания в форме «гармоники» (вторая половина XIX в.).

Если «гармошку» скрепить с одного торца, то образуется сброшюрованная книга, которую можно листать, не опасаясь, что она рассыплется.

Сброшюрованные книги появились у монголов с XVI–XVII вв. Современные ламы в бурятских дацанах используют тексты на листах узкого и длинного формата

О ТЕХНОЛОГИИ ТРАДИЦИОННЫХ ИЗДАНИЙ

Ксилография или метод тиражирования текстов с помощью клише или матрицы, вероятно, была заимствована монголами у китайцев через тибетскую письменную культуру. Для изготовления матрицы подбирали подходящую породу дерева, заготавливали ее в определенное время и сушили в тени. Затем по размеру нарезали доски, вываривали их в масле, дубили, снова сушили и шлифовали. Каллиграфы заготавливали тексты на кальке, которую приклеивали лицевой стороной к доске. Опытный резчик искусно вырезал текст по нанесенному рисунку. Готовый бар (монг. *бар*, от тиб. *dpar*) или матрица чаще всего представлял собой деревянную (иногда металлическую или каменную) дощечку с вырезанным в «зеркальном отображении» текстом. Главная трудность ксилографии состоит в изготовлении качественной матрицы. На готовое клише валиком наносили краску или чернила, затем прикладывали лист бумаги, ткани или пергамента, по верху листа прокатывали валиком — и ксилографический оттиск страницы был готов.

ИЗ ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ МОНГОЛОВ

Достоверно известно, что ксилографическое книгопечатание монголы использовали уже на рубеже XIII–XIV веков. Сохранилось издание «Толкования Бодхичарьяаватары» Шантидэвы, собранное знаменитым монгольским ученым и переводчиком Чойжи-Одсэром в 1312 году. Период после падения великой монгольской империи Юань (XV–XVI вв.) остался поистине «темным периодом» в истории Монголии из-за неизвестности большого ряда событий, происходивших на обширной территории Центральной Азии, а также ее северной оконечности, к которой относится Байкальский регион. Междоусобные войны, крушение имперских идеалов, и, вероятно, смещение ценностных ориентиров привели к тому, что памятников данного периода, способных пролить свет на события тех лет, сохранилось крайне мало, но даже они до сих пор не изучены.

Письменные свидетельства и дошедшие до нас артефакты подтверждают наличие второй волны распространения буддизма и книжной культуры во времена Алтан-хана Туметского (1507–1582). Тогда же был сделан централизованный перевод буддийского святого

писания на монгольский язык. Однако полное собрание буддийского канона того периода не сохранилось из-за многочисленных пожаров, погубивших библиотеки.

Наиболее ранний из известных полный канонический свод монгольского Ганджура датируется 1629 годом. Он создавался по инициативе последнего всемонгольского правителя Лигдан-хана чахарского (1603–1634). Издание было написано «золотом и серебром» и получило название «золотого Ганджура». Второе ксилографическое издание буддийского канона на монгольском языке (1717 год) было выполнено красными «чернилами», и стало известно как «красный Ганджур» просвещенного Энхэ Амугулангту эзэн-хана (императора Канси).

Культовое значение книги обязывало издателя и пользователя следовать определенным канонам. Книгу украшали, насколько это было возможно. Хранить буддийские книги полагалось непременно на высоком, специально отведенном месте в специальных шкафах и сундучках (монг. *сугулик*).

Кроме многих шелковых и парчовых «одежд» (монг. *жанши*), каждый том для упрощения поиска нужного текста имел специальный ярлык (дондур), на котором обычно указывали название текста или раздела, номер тома, имя автора и издательство. Чем более почитали книгу, тем богаче и наряднее выглядел дондур: его делали с защитной шторкой (часто состоявшей из нескольких слоев дорогих тканей), снабжали подвесками из бусин коралла, жемчуга, малахита, чеканных бляшек, монет и т. п.

Тибетоязычные издания Ганджура — предшественника монгольского буддийского канона — были предприняты в тибетском монастыре Нартан: первое в 1312—1320 гг., второе — в 1605 г. В 1410 году вышло первое пекинское издание Ганджура. Совершались и другие, неоднократные попытки издать его в Пекине. Однако наиболее распространенным стало торжественное издание императора Канси (1717 г.)

Будда врачевания Манла с сосудом эликсира и веткой миробалана. Особое значение придавалось титульной странице. Для лучшей сохранности листов она могла быть укреплена жесткой доской, и одновременно служить обложкой книги. По центру листа размещали название текста, а по бокам — изображения будд и божеств, имеющих отношение к содержанию текста

О КНИГОПЕЧАТАНИИ У БУРЯТ В РОССИИ

В полиграфии бурятских монастырей активно использовался санскрит. Тибетский и санскрит были языками учености, и по своей роли в центрально-азиатской культуре были сходны с ролью латыни и греческого языка в Европе.

В религиозной практике, как правило, актуализируется не все многообразие буддийского письменного наследия, а только отдельные и не очень объемные тексты канонического, а порой и не канонического собрания. Поэтому часть издаваемой литературы представляла собой определенную традицию буддийского вероучения, воспринятую бурятами и активно практиковавшуюся. Канонические книги, как правило, были больших размеров и занимали изрядный объем пространства. Такие издания использовали исключительно для специальной храмовой службы — чтения Ганджура. Использование собраний трактатов именитых буддистов для самообразования, совершенствования духовной практики, а также проведения публичных проповедей гашэ (тиб. bka' bshed) было по плечу лишь избранному кругу лиц из числа высокообразованных лам и степной аристократии. Для большинства населения эти книги оставались культовыми объектами, наравне с образами будд и буддийских божеств.

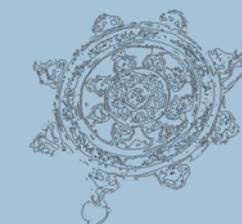

Как правило, в доме каждого буддиста на семейном алтаре хранилась хотя бы одна сутра. Однако это не означает, что содержание буддийских книг было недоступно. В местных типографиях из огромного количества буддийских текстов выбирали и издавали те, что чаще других использовались в ежедневной храмовой службе, в бытовой обрядности и образовательной системе монастырей-университетов. Чем более был востребован текст, тем больше его издавали. Так, наименования многих книг содержатся в учетных списках продукции разных книгопечатен Бурятии. Об этом же свидетельствуют ксилографические отпечатки одного и того же текста, изданные с разных матриц в разных монастырях Трансбайкалья.

Образцы печатных изданий бурятских дацанов свидетельствуют о большом внимании к книгопечатанию, искусстве мастеров и тщательности технологической обработки матриц, обложек, оберток и ярлыков для книг. Традиция изготовления, хранения и использования книг свидетельствует об особом трепетном отношении бурят к учению и образованию.

О глубине проникновения буддийского мировоззрения в конфессиональное сознание бурят можно судить по предметам прикладного искусства агинских бурят. Женские серебряные украшения, подвески, наперстки для шапочки, мужской набор «степного джентльмена» с огнивом и ножом в ножнах, маникюрный серебряный набор, носимый на поясе, специальный медальон-божничка «гау» — все эти вещи украшены буддийской символикой. Так называемый кузнечный культ был издревле распространен среди бурят-монгольских родов. В 1735 г. профессор химии и натуральной истории Российской Академии наук Иоганн Георг Гмелин в этнографических описаниях своего путешествия по Сибири отмечал, что буряты «умеют делать по железу серебряные и оловянные насечки так хорошо, что их работа не уступает дамасской» и даже многие русские, живущие с ними по соседству, «питаются тем, что торгуют произведениями бурятского ювелирно-кузнечного ремесла»

Канонические бурятские издания. В сложенном виде они выглядят как блок размером приблизительно 100x25x15 см, обернутый в прямоугольные хлопчатобумажные, шелковые и парчовые покрывала в три—семь слоев. Такой блок помещали между двумя дощатыми обложками и тщательно обвязывали ремнями длиной до 15—20 метров

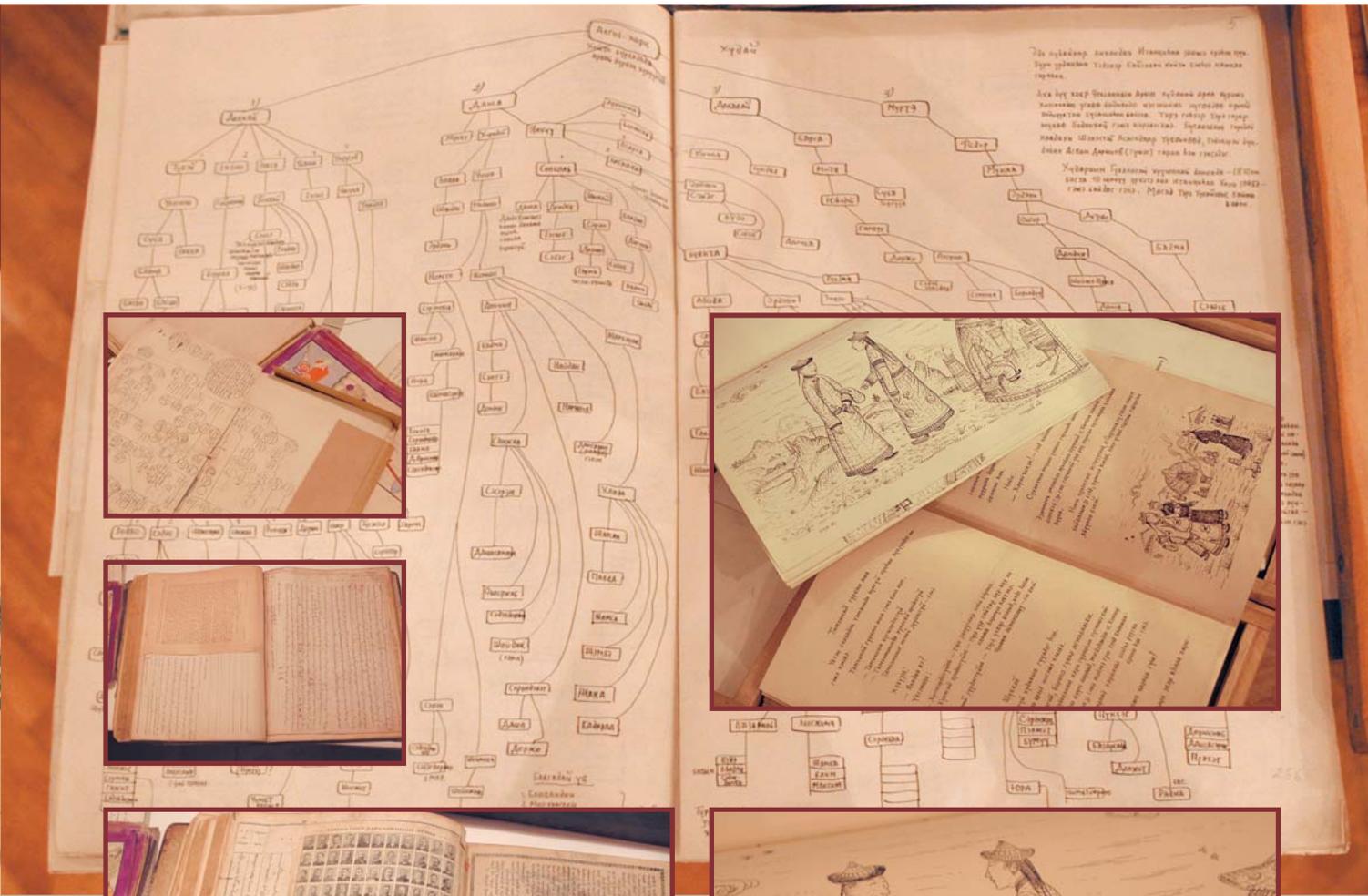

Как правило, особо оформляли и последнюю страницу книги. Текст обычно завершал живописное изображение хранителей четырех сторон света. Изображение божеств в книге выполнялось в технике аппликации или вышивки, но чаще всего использовался рисунок на шелке, холсте или бумаге. Страницы с образами божеств также декоративно оформляли защитными шторками, которые изготавливали из изысканных тканей, гармонирующих по цвету

В древности у монголов традиция памятования родословного древа хранилась устно и передавалась из поколения в поколение. Многие буряты могли по памяти воспроизвести свою родословную до 17-го колена, а знать родословную до седьмого колена был обязан каждый ребенок. С распространением письма (начиная с XIII века) эти данные стали записывать. Родословные летописи, а также рисунки-схемы родословного древа «угай бичиг» очень ценили и передавали из поколения в поколение как главную фамильную драгоценность

Расцвет книгопечатания бурят, находящихся в подданстве России, приходится на вторую половину XIX века. Буряты активно использовали тибетское и монгольское письмо, китайские технологии и бумагу русских мануфактур. Монгольское письмо — это письменность родного языка, а тибетское — это язык религии, буддизма, буддийской образованности

Среди оригинальных монгольских текстов светского содержания следует отметить уникальные исторические источники — образцы родословных летописей бурят. Это исторические повествования, созданные отдельными представителями степной аристократии (рукописная история хори-бурят Рабжи Санжеева является продолжением более ранней истории бурят, написанной Хабитуевым, и содержит описание событий с 1888 по 1920 г.). Автором вклеены эпизоды периодики начала XX века на русском и монгольском языках, изданной в Забайкальской области

В современной светской бурятской литературе развлекательного характера до сих пор прослеживаются традиции издания рукописной монгольской книги для широких масс, богато украшенной живописными иллюстрациями